
А. В. Каравай

ФАКТОРЫ ДОХОДНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА И РОЛЬ АСКРИПТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Статья подготовлена в рамках работы над проектом «Россия и мир: взаимодействие внутренних и внешних факторов развития страны и их отражение в массовом сознании».

DOI: 10.19181/snsp.2018.6.1.5735

Каравай Анастасия Вадимовна – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; старший научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС.

119034, Россия, Москва, Пречистенская наб., 11

E-mail: karavayav@yandex.ru

Аннотация. В статье, являющейся первой в блоке из двух составляющих единое целое статей, описана методология анализа факторов доходной стратификации и показана на материалах исследования Института социологии РАН¹ (октябрь 2015 г., N=4000) роль, которую аскриптивные характеристики индивида играют в определении его места в доходной иерархии российского общества. С помощью мультиномиальных регрессионных моделей продемонстрировано, что аскриптивные характеристики (в большей степени возраст, тип поселения проживания и состояние здоровья, а в меньшей – пол), остаются значимыми факторами доходной стратификации в России в настоящее время. Особую роль аскриптивные характеристики играют в низкодоходных слоях общества, для представителей которых существует много структурных барьеров, не позволяющих накапливать ресурсы и реализовывать восходящую социальную мобильность. Установлено также, что в рамках своих локальных сообществ сельские жители имеют больше шансов на попадание в благополучные слои общества по сравнению с горожанами, и особенно – жителями мегаполисов, которым приходится активнее конкурировать между собой за возможность продвинуться выше в доходной иерархии. Показана значимость возрастного фактора для всех доходных групп – если люди среднего и старшего возрастов концентрируются в основном в средних слоях, то молодёжь в зависимости от места рождения и условий социализации в большей степени «расходится» по полярным доходным группам. Решающую роль в подобном «расхождении», способном выступить генератором социальной напряжённости, играют не столько личные достижения молодых россиян, сколько такие структурные факторы, как место его рождения и жительства, а также во многом обусловленная ими возможность успешно наращивать свой человеческий капитал.

Ключевые слова: доходная стратификация, неравенство по доходам, бедные, богатые, средний класс, причины бедности, ресурсообеспеченность, структурные барьеры, социальная мобильность.

¹ С июля 2017 г. – ФНИСЦ РАН.

Введение

Доходы традиционно являются одним из основных индикаторов уровня жизни населения. Их размер, динамика и распределение в различных слоях общества могут многое сказать о его состоянии. Чаще всего, когда говорят о социальном неравенстве, имеют в виду именно неравенство по доходам, которое является наиболее болезненным для населения, поскольку уровень доходов определяет доступность многих социальных благ. Именно распределение доходов в обществе позволяет экспертному сообществу оценивать масштабы таких значимых социальных групп, как бедные, богатые и средний класс. Социальная политика многих государств основывается на результатах этих оценок, и они же влияют на процессы перераспределения доходов в обществе, в том числе на налоговую политику. Россия в этом отношении не является исключением, поскольку расходы на поддержку малоимущих слоёв населения традиционно занимают заметную часть в консолидированном бюджете страны, и в кризисные периоды актуальность мониторинга состояния доходов населения и их распределения в обществе только увеличивается.

В то же время, несмотря на давнюю историю изучения доходного неравенства, до сих пор среди исследователей нет единого мнения относительно того, какие доходы (или расходы) должны использоваться для оценки индивидов или домохозяйств и как выделять границы различных доходных групп [Anikin et al., 2016; Лежнина, 2017; Тихонова, 2017а, 2017б]. Отдельной проблемой выступают факторы, определяющие концентрацию доходов в одних слоях общества и их недостаточность в других. Чаще всего в фокусе внимания учёных находятся причины бедности, поскольку именно бедность является тем социально значимым феноменом, на борьбу с которым направлена социальная политика многих государств. В то же время факторы, определяющие высокое экономическое положение индивидов, волнуют учёных не столь часто¹, и наше исследование направлено на частичное восполнение этого пробела.

Доходная стратификация российского общества

В академической литературе выделяют два подхода к построению стратификации общества, исходя из распределения доходов в нём. В рамках абсолютного подхода обычно устанавливаются точные границы доходов, отделяющие представителей одних групп от других. Эта методика в большей степени распространена среди экономистов; в частности, ей активно пользуются различные статистические и аналитические организации, в том числе Всемирный банк² и Росстат, выделяю-

¹ Хотя работы в этом направлении также ведутся. См., напр.: [Eisenhauer, 2011; Капелюшников, 2017] и др.

² О применяемой Всемирным банком методике см.: [Ravallion, 2010].

щий малоимущие слои населения на основе прожиточного минимума. Сторонники относительного подхода измеряют величину доходов в сравнении со средними или медианными значениями доходного распределения в том или ином обществе либо анализируют процентильные распределения (по децилям, квинтилям и т.п.)¹.

Оба подхода вполне успешно применяются для решения разных задач, хотя каждый из них не лишён недостатков. В частности, критика использования абсолютного подхода заключается в том, что его сложно использовать для межстрановых исследований, т.к. стандарты жизни, к примеру, в развитых и развивающихся странах могут различаться в значительной степени. Например, если использовать методику Всемирного банка, в которой ежедневный доход у представителей среднего класса должен составлять свыше 10 долл. США в день по паритету покупательной способности (ППС), то в России к среднему классу можно отнести подавляющее большинство населения [Anikin et al., 2016]. Это, с одной стороны, свидетельствует о том, что наше население сравнительно благополучно по среднемировым оценкам, однако, с другой стороны, такое деление совершенно не отражает реально существующей в стране степени доходного неравенства.

Относительный подход более применим к странам, которые уже прошли тот этап развития, когда сравнительно большие слои населения не могли себе обеспечить физическое выживание, поэтому к бедным в них относятся также и те индивиды, которые не могут себе позволить определённый стандарт жизни, типичный для данного общества [Овчарова и др., 2016; Слободенюк, 2016, 2017]. Основной проблемой построения моделей доходной стратификации в рамках относительных подходов выступает сложность определения границ между слоями внутри них, которые в значительной степени варьируются у различных авторов. В основу данной работы была положена методика доходной стратификации, разработанная командой российских социологов [Anikin et al., 2016; Лежнина, 2017; Слободенюк, 2017; Тихонова, 2017а]. Отталкиваясь от внушительного теоретического и эмпирического анализа, авторы предлагают модель доходной стратификации общества, состоящую из 7 групп, которые в зависимости от исследовательских задач могут быть объединены в 4–5 слоёв (см. таблицу 1). В основу анализа, результаты которого представлены в настоящей статье, была положена версия модели с 4 основными доходными слоями.

Таким образом, результаты рассмотренных исследований доходной стратификации в России показали, что особенностями её модели при любых её вариациях является почти полное отсутствие нищеты, предполагающей угрозу физическому выживанию индивидов, и сравнительно большое число тех, кто относится к нуждающимся и уязвимым группам населения. Помимо этого, для российского общества характерны значительная медианная группа и заметное число россиян, относящихся к благополучным слоям.

¹ Относительный подход в большей степени, чем абсолютный, получил распространение среди социологов. См., напр.: [Хахулина, Тучек, 1995; Anikin et al., 2016; Слободенюк, 2016; Тихонова, 2017а, 2017б].

**Модели доходной стратификации российского общества
и численность их базовых групп**

Границы по медиане	Доля среди населения, 2015 г., %	Модель с семью доходными группами	Модель с пятью доходными группами	Модель с четырьмя доходными группами
Более 4	1	Состоятельные	Высокодоходные	Высокодоходные
2–4	8	Обеспеченные		
1,25–2	22	Среднедоходная группа	Среднедоходная группа	Среднедоходная группа
0,75–1,25	35	Медианная группа	Медианная группа	Медианная группа
0,5–0,75	23	Уязвимые	Уязвимые	Низкодоходные
0,25–0,5	10	Нуждающиеся	Бедные	
Не более 0,25	1	Нищие		

Ключевым вопросом, имеющим решающее значение для легитимности такой ситуации в глазах населения, и прежде всего молодых россиян, является вопрос о том, какие факторы определяют место человека в этой доходной иерархии – те, что связаны с существующими в обществе структурными барьерами и аскриптивными характеристиками, или же те, которые определены его личными усилиями. Именно рассмотрению соотношения факторов доходной стратификации, входящих в две эти макрогруппы, и будет посвящён дальнейший анализ.

Факторы доходной стратификации

В настоящее время специалисты выделяют целый ряд факторов, характеризующих механизмы возникновения неравенства в доходах [Овчарова, 2009; Овчарова и др., 2016; Попова, 2015; Слободенюк, 2017; Тихонова, 2014; Терещенко, Титма, 1996; Хахулина, Тучек, 1995], и делят их на несколько групп. Во-первых, это не зависящие от индивида причины (прежде всего аскриптивные характеристики) – пол, возраст, состояние здоровья, тип поселения по месту проживания и пр. Как свидетельствуют исследования [Тихонова, 2014], в нашей стране пол может оказывать некоторое влияние на шансы индивида попасть на более высокие статусные позиции, однако значимым фактором доходной стратификации его назвать нельзя, в отличие от возраста, который наряду со здоровьем значимо влияет на вероятность попадания индивида в ту или иную доходную группу. Что же касается места проживания, то имеющиеся исследования [Овчарова и др., 2016; Тихонова, 2017а, 2017б] свидетельствуют, что доходное неравенство в России имеет сложную пространственную структуру из-за межрегиональных и внутрирегиональных различий в уровнях доходов населения.

Во-вторых, немаловажную роль играют факторы, связанные с условиями социализации человека и его ближайшим окружением. Социальный статус родителей, индикатором которого обычно служит уровень их образования или

профессиональный статус, влияет на специфику усвоенных индивидом норм, ценностей, поведенческих паттернов, в частности на отношение к труду и знаниям, а также финансовое поведение [Bourdieu, Passeron, 1990; Радаев, 2002] и социальный ресурс (социальные сети и связи) [Каравай, 2016]. В свою очередь, наличие у индивидов значимых связей в окружении (ресурса социальных сетей), как было уже неоднократно показано [Логинов, Авраимова, 2002; Козырева, 2013; Тихонова, 2014], способствует их восходящей мобильности, а значит, напрямую связано с уровнем их доходов.

Третья группа факторов, выделяемая в литературе при анализе проблемы детерминант доходного неравенства, связана с характеристиками образовательного потенциала и занятости индивидов. В частности, в ряде исследований [Хахулина, Тучек, 1995; Тихонова, 2014; Слободенюк, 2016; Овчарова и др., 2016] показано, что роль факторов, связанных с человеческим капиталом, была в середине 1990-х гг. и до сих пор остаётся сравнительно высокой. Причём значение имеет сейчас не только и даже не столько формальный уровень образования, но и, главное, включённость индивида в непрерывное образование, а также его готовность к самообразованию и освоению конкретных навыков, компетенций и знаний, требующихся на соответствующем рабочем месте. Характер занятости человека¹, как и его профессиональный статус, также нельзя недооценивать, поскольку через них определяется его место на рынке труда, а значит, и его материальное положение. Сюда же можно отнести и структурные факторы, характеризующие место работы россиян, — тип собственности и размер предприятия, его отраслевые особенности. Эти характеристики также могут влиять на уровень доходов индивидов, а также их социальный статус.

Наконец, во многих исследованиях [Лежнина, 2010; Овчарова и др., 2016; Слободенюк, 2016; Лежнина, 2017] особая роль в доходной стратификации общества отводится факторам, связанным с составом домохозяйств индивидов. Авторы, работающие в этом направлении, подчёркивают, что высокая иждивенческая нагрузка не только «оттягивает» на себя текущие ресурсы домохозяйства, но и ограничивает возможности накопления и инвестирования этих ресурсов. К значимым факторам этой группы относится также наличие в семье несовершеннолетних детей и неработающих взрослых трудоспособного возраста.

Выбор переменных, эмпирическая база и построение регрессионной модели

Основываясь на проанализированной литературе и приведённой выше группировке факторов доходного неравенства, мы отобрали в общей сложности 26 независимых переменных, которые могут быть индикаторами факторов, опреде-

¹ Сюда относится не только сам факт наличия работы, но и «белая» заработная плата, письменный трудовой контракт и другие индикаторы устойчивого положения человека на рынке труда. Более подробно см.: [Тихонова, 2014; Слободенюк, 2016].

ляющих положение человека в вертикально иерархизированной системе доходной стратификации. Целью анализа стало исследование того, как выбранный набор факторов определяет шансы индивидов на попадание в ту или иную доходную группу. Для достижения поставленной цели были использованы разные инструменты, основным из которых стал регрессионный анализ с применением мультиномиальной логистической модели¹, в которой логарифм отношения вероятности попадания в некоторую категорию к вероятности попадания в опорную (базовую) категорию представляется как линейная функция вектора независимых переменных. Полученные регрессионные коэффициенты при независимых переменных с помощью несложных преобразований отражают, в конечном итоге, отношение вероятностей (шансов) попадания в определённую группу по сравнению с базовой. Все описанные ниже модели строились методом одновременного включения всех отобранных для них независимых переменных.

В качестве зависимой переменной рассматривалась шкала из 4 категорий: низкодходные слои (с доходами ниже 0,75 от страновой медианы распределения среднедушевых доходов в домохозяйствах), медианная группа (0,75–1,25 страновой медианы), среднедоходная группа (1,25–2 страновых медианы) и высокодоходная группа (свыше 2 страновых медиан). Базовой (опорной) категорией мы выбрали медианную группу, как наиболее массовую и однородную по всем основным характеристикам благосостояния её представителей из всех рассмотренных. Все расчёты производились на массиве данных 3-й волны мониторингового опроса ИС РАН (октябрь 2015 г.). Ниже результаты этой регрессии упоминаются со ссылкой на «основную регрессионную модель», и для удобства читателя результаты этой основной мультиномиальной регрессии в силу их очень большого объёма представляются поэтапно частями в нескольких таблицах.

Кроме того, для проверки отдельных предположений мы построили несколько дополнительных мультиномиальных регрессионных моделей. Первая из них – это модель, в которой в качестве зависимой переменной бралась порядковая шкала из 4 доходных слоёв, только для выделения соответствующих групп в ней использовалась медиана в различных типах поселений – столицах (Москва и Санкт-Петербург), центрах субъектов РФ, районных центрах и сёлах, а не медиана доходного распределения по стране в целом. Сравнение результатов мультиномиальных регрессий с двумя разными зависимыми переменными позволило нам проверить предположения относительно вклада во всеобщее неравенство пространственно-поселенческого фактора и, косвенно, также меж- и внутрирегиональных неравенств.

Вторая дополнительно построенная нами мультиномиальная регрессионная модель – это модель, которая относится не ко всем россиянам, а только к работающему населению страны, но в которой шкала доходной стратифика-

¹ Теоретическое обоснование использования моделей мультиномиальной регрессии и способов их практического применения в социологии см. более подробно: [Марно, 2008; Терещенко, 2012; Терещенко, Титма, 1996; Сивуха, Титма, 1997].

ции так же, как и в основной модели, построена на основе страновой медианы доходов. В этой дополнительной модели в состав регрессоров включались также характеристики места работы (тип и размер предприятия и его отраслевая принадлежность), профессиональный статус респондента и особенности его положения на рынке труда — уровень принятия решений как индикатор властного ресурса и возможности контроля за своей работой как показатель степени отчуждённости труда. Необходимость построения отдельной модели для работающих россиян объяснялась тем, что включение переменных, характеризующих занятость индивидов, в условиях наличия более четверти неработающего населения избыточно перегружало первоначальную модель и не улучшало её качество, а отказаться от анализа влияния этих факторов мы не могли в силу содержательных причин.

Результаты моделирования

Итак, всего нами было построено три регрессии — одна основная и две дополнительные. К сожалению, ограниченный объём статьи не позволяет привести полностью результаты всех трёх регрессий, поэтому мы отразим по мере изложения отдельные их фрагменты, концентрируясь преимущественно на основной модели.

В таблице 2 показано, что аскриптивные характеристики действительно оказывают влияние на вероятность попадания в те или иные доходные группы. Так, как свидетельствуют результаты регрессионного анализа¹, гендерное неравенство в определённой степени присуще и российскому обществу, поскольку у женщин меньше шансов попасть в благополучные средне- и высокодоходные слои по сравнению с мужчинами, а вероятность остаться в составе низкодоходных слоёв для них несколько выше, чем для мужчин.

Что касается возраста, то при выделении возрастных когорт мы руководствовались целью отделить друг от друга представителей различных поколений, а не просто разных возрастов, и, как показал анализ, влияние поколенческо-возрастного фактора в разных доходных группах проявляется по-разному. С одной стороны, в высокодоходных слоях реже можно встретить лиц пенсионного возраста, и у последних меньше шансов попасть в эти слои, чем у представителей любых других возрастных групп. С другой стороны, чем моложе индивид, тем выше у него шансы при прочих равных условиях попасть в низкодоходные слои. В медианной группе возрастной фактор влияет в обратном направлении: чем старше индивид, тем выше шансы на то, что он будет принадлежать к этой доходной группе. В сред-

¹ Следует напомнить, что основная модель включала в себя все отобранные переменные, за исключением тех, которые связаны с характеристиками занятости индивидов и особенностями их места работы (профессиональный статус, тип собственности и размер предприятия и т.д.). Значения псевдо R^2 : Кокса и Снелла = 0,420, Нэйджелкерка = 0,453, Макфаддена = 0,209.

недоходной группе рассматриваемый фактор менее значим, чем в остальных, тем не менее представители старших возрастов, особенно 56–65 лет, имеют чуть больше шансов попасть в эту группу по сравнению с остальными.

Таблица 2

Часть результатов основной регрессионной модели с зависимой переменной, основанной на страновой медиане, для переменных пола, возраста, здоровья и типов поселений, ИС РАН, 2015 г., *разы*¹

Факторы	Низкодоходные слои	Медианная группа	Среднедоходная группа	Высокодоходные слои
Пол				
Мужской	1,07	1,05**	1,31**	1,32
Женский	1,00	1,00**	1,00**	1,00
Возраст, лет				
18–25	1,40**	0,41**	0,35	1,51*
26–35	1,35**	0,45**	0,53	2,02**
36–45	1,33**	0,50**	0,51	2,16**
46–55	1,22**	0,59**	0,90	3,85**
56–65	1,17**	0,64**	1,12**	2,75**
66 и старше	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**
Самооценки состояния здоровья				
Хорошее	0,51**	1,45**	2,98**	3,10**
Удовлетворительное	0,69**	1,27**	2,32**	2,29*
Плохое	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**
Тип поселения по месту проживания				
Москва и Санкт-Петербург	0,08**	1,46**	6,18**	8,66**
Областные, краевые, республиканские центры	0,64**	1,51**	1,68	1,66
Районные центры	0,85**	1,22**	1,26	1,16
Посёлки городского типа	0,69**	1,34**	2,00*	3,01**
Сёла	1,00**	1,00**	1,00*	1,00**

*Уровень значимости $p < 0,1$.

**Уровень значимости $p < 0,05$.

Состояние здоровья осенью 2015 г. также в значительной степени влияло при прочих равных условиях на положение индивида в доходной иерархии. Исходя из результатов нашей модели, хорошее здоровье, в отличие от плохого, в 2 раза

¹ Показатели в таблицах представляют собой соотношение вероятностей между определённым значением независимой переменной и референтным. Например, для переменной «пол» референтным является значение «женский», поэтому в этой строке в таблице 2 стоят единицы.

снижало шансы индивида оказаться в низкодоходных слоях и в 3 и более раз увеличивало его шансы быть в составе относительно благополучных средне- и высокодоходных слоёв. Отчасти здесь сказывается возможность для представителей благополучных слоёв населения лучше заботиться о своём здоровье (здоровый образ жизни, дорогостоящие методы профилактики, диагностики и лечения заболеваний и т.п.). Но всё же решающую роль играет обратная связь, ведь хорошее здоровье повышает шансы занять эффективные рабочие места. При этом тот факт, что плохое здоровье является значимым фактором доходной стратификации, означает серьёзные сбои в работе не только государственной системы здравоохранения, но и системы социальной поддержки.

Что же касается типов поселений, то проживание в столицах в значительной степени – в нашей модели в 6–8 раз – увеличивает шансы индивидов на попадание в благополучные слои и практически сводит к нулю вероятность попадания в низкодоходные группы при ориентации на страновую медиану. Это логично, поскольку уровень доходов в Москве и Санкт-Петербурге заметно выше, чем даже в региональных центрах: по нашим данным, осенью 2015 г. медиана среднедушевых доходов в столицах составляла 20 000 руб., в центрах субъектов РФ – 15 000 руб., а в сёлах – 10 000 руб. Естественно, что подавляющее большинство жителей Москвы и Санкт-Петербурга априори имели доходы выше страновой медианы.

Однако, как известно, стоимость жизни и характер расходов в разных типах поселений также различаются довольно существенно. Поэтому для того, чтобы проверить влияние типа поселения на доходное распределение, как уже упоминалось выше, мы построили дополнительную модель, где в качестве зависимой переменной рассматривали шкалу, в основе которой лежали среднедушевые доходы относительно поселенческой медианы¹. Частично результаты построения этой модели представлены в таблице 3.

Как видно из данных таблицы 3, эти результаты оказались не просто парадоксальными, но и разрушающими многие стереотипы. Так, например, выяснилось, что у россиян, проживающих в сёлах, больше шансов попасть в высоко- и среднедоходные слои (в рамках своей локализации), чем у жителей других типов поселений, поскольку в них численность соответствующих групп в общей структуре населения больше, чем в городах.

С другой стороны, вероятность оказаться в низкодоходных слоях, при прочих равных условиях, в городах в среднем в 2 раза выше, чем в сёлах. Эти различия обуславливаются внешними структурными факторами, связанными с большей глубиной неравенств в городах. Именно под их воздействием и сами модели доходной стратификации в разных типах поселений довольно существенно различаются. Если, например, в центрах субъектов РФ доля низкодоходных слоёв выше, чем средне- и высокодоходных (30 против 28%), то в сёлах ситуация обратная – низкодоходные слои составляют 24% их населения, а лиц со среднедушевыми доходами свыше 2 поселенческих медиан в них более трети – 37%.

¹ В данную модель входили те же переменные, что и в основную модель. ПсевдоR²: Кокса и Снелла = 0,344, Нэйджелкерка = 0,374, Макфаддена = 0,168.

Таблица 3

Часть результатов дополнительной регрессионной модели с зависимой переменной, основанной на поселенческих медианах для переменных, связанных с местом жительства, ИС РАН, 2015 г., *разы*

Факторы (тип поселения по месту проживания)	Низкодоходные слои	Медианная группа	Среднедоходная группа	Высокодоходные слои
Москва и Санкт-Петербург	1,86*	1,18*	0,52*	0,08*
Областные, краевые, республиканские центры	2,02*	1,04*	0,59*	0,17*
Районные центры	1,50*	1,13*	0,69*	0,50*
Поселки городского типа	2,05*	1,02*	0,60*	0,33*
Сёла	1,00*	1,00*	1,00*	1,00*

*Уровень значимости $p < 0,05$.

Естественно, что в таких условиях в крупных городах конкуренция за место в средне- и высокодоходных группах будет выше. Поэтому тем важнее будут дополнительные конкурентные преимущества в виде развитого культурного капитала, высокопотенциальных социальных связей и высокой или даже уникальной квалификации. И действительно, согласно результатам первой дополнительной регрессионной модели, при прочих равных условиях шансы индивида на попадание в высокодоходные слои заметно повышаются, если его детство прошло в любом среднем или крупном городе, по сравнению с теми, кто провёл детство в сельской местности¹.

Таким образом, роль аскриптивных характеристик человека особенно значима в низкодоходных слоях населения. Помимо вполне ожидаемого влияния фактора здоровья, плохое состояние которого напрямую связано с пребыванием в низкодоходных слоях, а также проживания и социализации в сельской местности, наши результаты показали, что у молодёжи риски попадания в неблагоприятные слои также сравнительно выше. В медианную группу при прочих равных условиях выше вероятность попасть у лиц пенсионного возраста с хорошими

¹ Одним из немногих факторов, который в дополнительной модели, где зависимая переменная основана на поселенческих медианах доходного распределения, усилил влияние по сравнению с основной моделью, был индикатор условий социализации – тип поселения проживания на момент начала обучения в школе. Детство, проведённое в столицах, при прочих равных условиях в 7,25 раза увеличивало вероятность попадания индивида в высокодоходные слои по сравнению с социализацией в сельской местности. Так, у проживавших на момент опроса в Москве и Санкт-Петербурге россиян в 2 с лишним раза было больше шансов попасть в высокодоходные слои, чем в низкодоходные, если они проживали в этих же городах, когда пошли в школу. Для жителей областных и районных центров этот фактор был не очень важен, а вот для сельских жителей социализация в сельской же местности заметно повышала риски оказаться в составе низкодоходных слоёв – они составляли 40% сельских жителей, и лишь 28% относились к высокодоходным слоям, выделенным с учётом поселенческой медианы.

или удовлетворительными самооценками здоровья, проживающих в городах, особенно крупных (региональные центры и столицы). В среднедоходных слоях аскриптивные характеристики индивидов являются менее значимыми, однако с большей вероятностью сюда попадают мужчины, лица предпенсионного и раннего пенсионного возрастов, с хорошими или удовлетворительными оценками своего здоровья, а также жители обеих столиц. Наконец, шансы попасть в высокодоходные слои выше у жителей столиц, людей с хорошими самооценками здоровья и тех, чей возраст не предполагает высоких иждивенческих нагрузок, но допускает занятость (46–65 лет). В то же время на локальном уровне сельским жителям гораздо проще пробиться в высокодоходные слои своих поселений, чем москвичам или жителям Санкт-Петербурга попасть в благополучные слои в столицах, причём социализация в высококонкурентной среде крупных городов заметно повышает вероятность попасть в высокодоходные слои в рамках своего населённого пункта.

Список литературы

- Капелюшников Р.* Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 117–139.
- Каравай А. В.* Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 1–15.
- Козырева П. М.* Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф, 2013. 328 с.
- Лежнина Ю. П.* Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 36–45.
- Лежнина Ю. П.* Семья для среднедоходных слоёв населения: тыл или риск? // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 3. С. 435–452. DOI: [10.17323/727-0634-2017-15-3-435-452](https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-3-435-452).
- Логинов Д. М., Аврамова Е. М.* Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 24–34.
- Марно В.* Модели с множественным откликом // Путеводитель по современной эконометрике / Пер. с англ. В. А. Банникова; науч. ред. и предисл. С. А. Айвазяна. М.: Научная книга, 2008. С. 316–329.
- Овчарова Л. Н.* Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009. 268 с.
- Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М.* Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал новой экономической ассоциации. 2016. № 3 (31). С. 170–186.
- Попова Д. О.* Динамика факторов неравенства в России на микроуровне в период 1994–2013 гг.: регрессионный анализ. Доклад на XVI Апрельской международной научной конференции «Модернизация экономики и общества». М.: НИУ ВШЭ, 2015.
- Радаев В. В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32.

Россия в цифрах. 2016: крат. стат. сб. / Росстат-М., 2016. 543 с.

Сивуха С. В., Титма М. Х. Социальные детерминанты самооценки успеха // Социальное расслоение возрастной когорты / Под общ. ред. М. Х. Титмы. М.: Ин-т социологии РАН, 1997. С. 250–274.

Слободенюк Е. Д. Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4. С. 82–92.

Слободенюк Е. Д. Последствия кризиса 2015 г.: обеднение или прекарнизация? // Журнал исследований социальной политики. 2017. № 2. С. 183–200. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-183-200>.

Терещенко О. В., Курилович Н. В., Князева Е. И. Многомерный статистический анализ данных в социальных науках: учеб. пособие. Минск: БГУ, 2012. 239 с.

Терещенко О. В., Титма М. Х. Дифференциация доходов в когорте тридцатилетних // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 196–217.

Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф; Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.

Тихонова Н. Е. Стратификация по доходу в России: специфика модели и вектор изменений // Общественные науки и современность. 2017а. № 2. С. 23–35.

Тихонова Н. Е. Стратификация по доходам в России на фоне других стран // Общественные науки и современность. 2017б. № 3. С. 26–41.

Хахулина Л. А., Тучек М. Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 1. С. 18–22.

Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D., Tikhonova N. E. Income stratification: Key approaches and their application to Russia // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 02/PSP/2016. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2016.

Bourdieu P., Passeron J. C. Reproduction in education, society and culture. London: Sage. 1990. Vol. 4. 236 p.

Eisenhauer J. G. The rich, the poor, and the middle class: Thresholds and intensity indices // Research in Economics. 2011. Vol. 65. No. 4. P. 294–304.

Ravallion M. The developing world's bulging (but vulnerable) middle class // World development. 2010. Vol. 38 (4). P. 445–454.

Дата поступления в редакцию: 10.12.2017.

DOI:

Factors of Income Stratification of Russian Society: Methodology of the Analysis and Role Ascriptive Characteristics

The article was prepared as part of the work on the project «Russia and the world: interaction between internal and external factors of development of the country and their reflection in mass consciousness».

Karavay Anastasia Vadimovna

Candidate of Sociological Sciences, Researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS.

Krzhizhanovskogo st., 24/35, bld. 5, Moscow, 117218, Russia;

Senior Researcher, Institute of the Social Analysis and Forecasting, RANEPa.

Prechisteskaja nab., 11, Moscow, 119034, Russia. E-mail: karavayav@yandex.ru

Abstract. This article is the first from the block of two articles which composing the whole, one of which is present hereinafter, and the second will be published in the following journal issue. In this article, based on the data of the Monitoring research carried out by Institute of Sociology of RAS (2015), the methodology of the analysis of factors of income stratification is described and the role which ascriptive characteristics of the individual play in definition of its place in income hierarchy of the Russian society is shown. With the help of multinomial regression models, it is shown that ascriptive characteristics (more age, type of the settlement and the state of health, and in smaller – a sex), remain significant factors of income stratification in Russia now. Ascriptive characteristics play a special role in low-income strata of society for which representatives there are many structural barriers which are not allowing to accumulate resources and to realize the upward social mobility. It is found out also that within the local communities villagers have more chances of a hit in high-income groups of society in comparison with citizens, and especially – residents of megapolises which should compete more actively among themselves for an opportunity to promote above in income hierarchy. The importance of age for all income groups is shown. People of middle and older age concentrate in middle-income strata, but young people, depending on their place of birth and socialization conditions, separate into polar income groups. Major drivers of this “divergence” processes are linked with structural constraints such as settlement or place of birth that also largely determine opportunities for efficient investment in human capital, rather than personal achievements.

Keywords. income stratification, income inequality, poor, rich, middle class, poverty factors, resource availability, structural barriers, social mobility.

REFERENCES

- Kapelyushnikov R. Neravenstvo: kak ne primitivizirovat' problemu [Inequality: how not to primitivize the problem]. *Voprosy ekonomiki*. 2017. № 4. P. 117–139 (In Russ.).
- Karavay A.V. Sotsial'nyy kapital rossiyskikh rabochikh i ikh ustanovki v otnoshenii ego nakopleniya [Russian workers: social capital and capital accumulation settings]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsial'nye peremeny*. 2016. № 3. P. 1–15 (In Russ.).
- Khakhulina L.A., Tuchek M. Raspredelenie dokhodov: bednye i bogatyje v postsotsialisticheskikh obshchestvakh (nekotoryje rezul'taty sravnitel'nogo analiza) [Distribution of income: the poor and the rich in post-socialist societies (some results of the comparative analysis)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsial'nye peremeny*. 1995. №. 1. P. 18–22 (In Russ.).
- Kozyreva P.M. *Resursy i praktiki sotsial'no-ekonomicheskoy adaptatsii naseleniya Rossii* [Resources and practice of social and economic adaptation of the population of Russia]. M.: Novyy khronograf publ., 2013. 328 p. (In Russ.).
- Lezhnina Yu.P. Sem'ya dlya srednedokhodnykh sloev naseleniya: tyl ili risk? [Middle-income families in Russia: comparing domestic support and exposure to risk]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 2017. Vol. 15. № 3. P. 435–452 (In Russ.).
- Lezhnina Yu. P. Sotsial'no-demograficheskie faktory, opredelyayushchie risk bednosti i malobespechennosti [The social demographic factors defining risk of poverty and low-sufficiency]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2010. № 3. P. 36–45 (In Russ.).
- Loginov D.M., Avraamova E.M. Sotsial'no-ekonomicheskaya adaptatsiya: resursy i vozmozhnosti [Social and economic adaptation: resources and opportunities]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2002. № 5. P. 24–34 (In Russ.).
- Marno V. Modeli s mnozhestvennym otklikom [Models with a multiple response]. *Putevoditel' po sovremennoy ekonometrike*. Per. s angl. V.A. Bannikova. Ed. by S.A. Ayvazyana. M.: Nauchnaya kniga publ., 2008. P. 316–329 (In Russ.).
- Ovcharova L.N. *Teoreticheskie i prakticheskie podkhody k otsenke urovnya, profilya i faktorov bednosti: rossiyskiy i mezhdunarodnyy opyt* [Theoretical and practical approaches to assessment of level, profile and factors of poverty: Russian and international experience]. M.: M-Studio publ., 2009. 268 p. (In Russ.).

Ovcharova L.N., Popova D.O, Rudberg A.M. Dekompozitsiya faktorov neravenstva dokhodov v sovremennoy Rossii [Decomposition of Income Inequality in Contemporary Russia]. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. 2016. № 3 (31). P. 170–186 (In Russ.).

Popova D.O. *Dinamika faktorov neravenstva v Rossii na mikrourovne v period 1994–2013 gg.: regressionnyy analiz* [Dynamics of factors of inequality in Russia at the microlevel during 1994–2013: regression analysis]. Doklad na XVI Aprel'skoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Modernizatsiya ekonomiki i obshchestva». M.: NIU VShE publ., 2015 (In Russ.).

Radaev V.V. Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiya [Concept of the capital, form of the capitals and their converting]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002. T. 3. № 4. P. 20–32 (In Russ.).

Rossiya v tsifrakh. 2016: Krat.stat.sb [Russia in figures. 2016: Short statistical collection]. Rosstat–M., 2016, 543 p.

Sivukha S.V., Titma M. Kh. Sotsial'nye determinanty samoosenski uspekha [Social determinants of a self-assessment of success]. *Sotsial'noe rassloenie vozrastnoy kogorty*. Ed. by M.Kh. Titma. M.: In-t sotsiologii RAN publ., 1997. P. 250–274 (In Russ.).

Slobodenyuk E.D. Faktory absolutnoy i sub"ektivnoy bednosti v sovremennoy Rossii [Factors of absolute and subjective poverty in modern Russia]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2016. № 3–4. P. 82–92 (In Russ.).

Slobodenyuk E. D. Posledstviya krizisa 2015 g.: obednenie ili prekarizatsiya? [Consequences of the 2015 crisis: slipping into poverty or precarity?]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 2017. № 2. P. 183–200 (In Russ.).

Tereshchenko O.V., Kurilovich N.V., Knjazeva E.I. *Mnogomernyy statisticheskiy analiz dannykh v sotsial'nykh naukakh: ucheb. posobie* [The multidimensional statistical analysis of data in social sciences: study guide]. Minsk: BGU publ., 2012. 239 p. (In Russ.).

Tereshchenko O.V., Titma M.Kh. Differentsiatsiya dokhodov v kogorte tridtsatiletnikh [Differentiation of income in a cohort of thirty-year-old]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1996. № 3–4. P. 196–217 (In Russ.).

Tikhonova N.E. *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Social structure of Russia: theories and reality]. M.: Novyy khronograf: In-t sotsiologii RAN publ., 2014. 408 p. (In Russ.).

Tikhonova N.E. Stratifikatsiya po dokhodam v Rossii na fone drugikh stran [Income Stratification in Russia in Comparison with Other Countries]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2017b. № 3. P. 26–41 (In Russ.).

Tikhonova N.E. Stratifikatsiya po dokhodu v Rossii: spetsifika modeli i vektor izmeneniy [Income Stratification in Russia: Model Specifics and Vector of Dynamics]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2017a. № 2. P. 23–35 (In Russ.).

Anikin V.A., Lezhnina Y.P., Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D., Tikhonova N.E. Income stratification: Key approaches and their application to Russia. *Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 02/PSP/2016*. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2016.

Bourdieu P., Passeron J.C. *Reproduction in education, society and culture*. London: Sage, 1990. Vol. 4. 236 p.

Eisenhauer J.G. The rich, the poor, and the middle class: Thresholds and intensity indices. *Research in Economics*. 2011. Vol. 65. № 4. P. 294–304.

Ravallion M. The developing world's bulging (but vulnerable) middle class. *World development*. 2010. Vol. 38(4). P. 445–454.

Date received by: 10.12.2017.